

© 2019 Н.М. СМЕРНОВА

СМЫСЛОВЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Смирнова Наталия Михайловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем творчества.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва,

ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Электронная почта: nsmirnova17@gmail.com

Аннотация. Конститутивным основанием субъективной реальности человека представлен личный *опыт* проживания собственной жизни, понятый как единство познаваемой предметности и духовных усилий ее освоения — знания и переживания. Будучи пережит и осмыслен, личный опыт организован в систему *субъективных значений*. Показано, что для «вписания» вновь обретаемых субъективных значений в общий строй мыслей и чувств человек непрерывно (но неосознанно) переосмысливает ранее пережитое, наделяя новыми субъективными значениями ранее обретенный опыт, играющий главную роль в формировании персональной идентичности человека.

Субъективная реальность, конституированная совокупностью субъективных значений, в свою очередь, обусловлена человеческими предпочтениями и выборами, а также предшествующим опытом, отлитым в образцы последующих интерпретаций, — *биографической ситуацией* человека. Обосновано, почему неустранимое различие биографических ситуаций как оптик последующих субъективных интерпретаций не означает принципиального недопонимания людей в процессе общения.

Субъективная реальность сформирована не только предшествующим личным опытом человека — она в значительной мере *социально сконструирована* отражением в зеркалах-сознаниях значимых других. Лишь отражаясь в их зеркалах-сознаниях, человек в состоянии оттачи-

вать черты собственной индивидуальности. Показано, что самовосприятие является собирательным образом человека в первичной социальной группе.

Рефлексивная природа персональной идентичности означает, что восприятие «фоновых ожиданий» ближайшего коммуникативного окружения в значительной мере управляет саморазвитием человека. Философски это означает, что субъективная реальность человека нуждается в постоянной коммуникативной поддержке, осуществляемой посредством непрерывного обмена субъективными значениями в группе первичной идентификации. Для наук о человеке и обществе (социологии малых групп, когнитивной психологии и т.п.) это означает необходимость «выговаривания умолчаний» — исследования непроговариваемого, «само собой разумеющегося», неявного знания, лежащего в основе принципиальной возможности повседневных языковых коммуникаций, обмен intersубъективными значениями в которых конститутивен в отношении субъективной реальности человека.

Ключевые слова: человек, личный опыт, субъективный смысл, субъективная реальность.

Ссылка для цитирования: Смирнова Н.М. Смысловые измерения субъективной реальности человека // Человек. 2019. Т. 30. № 3. С. 38–49. DOI 10.31857/S023620070005378-2

Н.М. Смирнова
Смысловые измерения субъективной реальности человека

Личный опыт — конститутивная основа субъективной реальности

Любое исследование в философии и социально-гуманитарном знании (явно или неявно) опирается на то или иное представление о человеке. Неявные смысловые коннотации, кристаллизованные в «само собой разумеющиеся» представления о человеке определенной культурной формации, становились и предметом специальных философских размышлений. Истории культуры известны многочисленные культурные репрезентации человека: от существа двуногого и без перьев (Платон) от природы до центра нарративной гравитации (Д. Деннет). Все они фиксируют лишь одну из бесчисленных граней человеческого бытия, объять которые в полноте их проявлений — вечная (но едва ли выполнимая) задача философии.

Мне представляется, что философски наиболее существенным является определение человека как существа *смыслосозидающего* — тезис, оказавшийся в «слепом пятне» в парадигме «натуралистического поворота» в современной философии. Между тем жить в неосмысленном мире человек просто не может, и поиск пресловутого «смысла жизни» критически важен для сохранения его персональной идентичности. Отдавая дань современным на-

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

работкам в области нейрофилософии (П. Черчланд), философии искусственного интеллекта, нейронно-сетевых моделей, «расширенного сознания» (extended mind) и т.п., отмечу, что «выведение за скобки» смысловых характеристик лишает философское учение о человеке проблематики высшего философского достоинства — атрибутов собственно человеческого. Ибо, в отличие от прочих живых существ, человек сознательно выстраивает образ мира и самого себя из ресурсов личного опыта, языка и памяти, наводя (подчас шаткие) мосты между образом Я, жизненным миром и социальной реальностью. Способность к смыслосозиданию — вопреки расширительным трактовкам смысла в рамках биосемантического энактивизма¹ — исключительно человеческая и лишь человеческая способность.

В самом деле, какими бы отличительными чертами не наделять человека (homo sapiens, homo habilis, homo symbolicus, homo ludens и т.п.), все они подразумевают не видимую для философски незрелого ума, глубоко скрытую за внешними проявлениями разумности, умелости, символизации и игривости способность человека наделять смыслами себя и окружающий мир. Природа обретает человеческий масштаб и глубину благодаря наделению человеческими смыслами — вне зависимости от того, преобразована ли она его физическим трудом или нет. Именно смысловая насыщенность отличает жизненный мир человека от понятия экологической ниши живого организма Г. Фольмера или окружающей среды (Umwelt) Я. фон Иксюля. Ниже я и постараюсь показать значение смысловой составляющей в философском постижении фундаментальных проблем бытия человека.

Конститутивным основанием субъективной реальности человека, задающим ее смысловую размерность, является личный *опыт* проживания собственной жизни. Опыт сознания — это неразрывное единство интенциональной предметности и духовных усилий ее освоения. Понятие опыта выражает взаимообусловленность внутреннего и внешнего, характеристику предмета человеческого интереса и человеческого к нему отношения. Субъективный опыт — синтез знания и *переживания*, когнитивная и эмоциональная отнесенность к корпусу личностного знания [1, с. 91–116].

Когнитивная устремленность к предмету человеческого интереса терминологически схватывается в понятии *значения*. Последнее не является ни логической структурой высказывания, ни набором психических переживаний, ни отражением характеристик самого предмета: «значение» выражает отношение человека к предмету, а не сам предмет [2, с. 35–104]. *Субъективное значение* — уникальная для каждого человека личностная отнесенность к социальной предметности. Осмысленность человеческих переживаний, приписывание им *субъективных значений*, корре-

¹ Натуралистическое течение в философии, отождествляющее смысл с любой избирательной активностью живого существа в среде обитания.

лирующих с социально одобренными (*интерсубъективными*), конститутивна в отношении субъективной реальности человека. Массив субъективных значений закладывается в процессе социализации — субъективного «присвоения» интерсубъективных значений своего культурного сообщества — и непрерывно пополняется на протяжении жизни. Набор субъективных значений образует фонд личного опыта человека как когнитивное основание его отношения к жизни — *субъективных интерпретаций*.

Субъективный смысл, которым человек наделяет свои переживания, в свою очередь, детерминирован его *биографической ситуацией* [3, с. 371–400]. К важнейшим составляющим биографической ситуации принадлежит запас личностного знания вкупе с убеждениями, верованиями всех степеней правдоподобия, человеческие предпочтения с присущими им интересами, планами, мотивами и т.п. К биографической ситуации принадлежат и смыслы предшествующих переживаний внутренней жизни (воображения, фантазии, сны и т.п.) в той мере, в какой они со-конституируют внутренний мир человека. Иными словами, биографическая ситуация человека конституирована кристаллизацией смыслов прожитых переживаний, индивидуальная конфигурация которых, подобно отпечаткам пальцев, образует субъективную реальность человека — фундаментальное основание его субъективной интерпретации и оптику восприятия любой наличной ситуации «здесь и теперь». Каковы же основные составляющие («линзы») этой оптики?

Во-первых, это, конечно же, совокупность личностно-образующих переживаний значимых событий, к которым человек, так или иначе, должен сформировать свое отношение. Это переживание смыслообразующих событий его жизни, выпавших на долю его детства, отрочества, юности, — личный опыт «взросления» (*growing elder*). Опыт переживания их культурно-исторического масштаба определяет *социальный возраст* человека, темпы его «взросления». Поколение, на долю которого выпали крупные исторические коллизии (войны, революции, глубокие социальные потрясения и т.п.), «взрослеет» ранее тех, коим суждено прожить свой век в тиши социального застоя. Феноменологически социальный возраст даже и весьма молодого человека, конституированный совокупностью травмирующих личностно-образующих переживаний, «выше» социального возраста его социально «благополучного» ровесника.

Второй «линзой» оптики, формирующей биографическую ситуацию человека, является глубина и интенсивность личностных переживаний, степень «захваченности» ими тонких психических структур личности. Феноменологической психологии мы обязаны осознанием того, что чем ближе травмирующий опыт к интимному ядру личности, тем менее он доступен памяти и вы-

Н.М. Смирнова
Смысловые
измерения
субъективной
реальности
человека

Говоря о глубине и интенсивности переживаний как факторе формирования биографической ситуации, отметим, что даже неразлучные близнецы со сходным опытом восприятия одних и тех же событий не в состоянии пережить одну и ту же ситуацию с одинаковой интенсивностью, заинтересованностью, личностной в нее вовлеченностью (*personal involvement*). А это означает, что, несмотря на переживание по видимости «одних и тех же» (для внешнего наблюдателя) событий, в структурах личного опыта они *различны* даже и для упомянутых выше неразлучных близнецов. Ибо они пребывают в неодинаковых биографически детерминированных ситуациях, конституированных глубиной и интенсивностью их предшествующих переживаний и личного опыта взросления.

Наконец, в-третьих, — и это наименее очевидно — биографическая ситуация человека в значительной мере детерминирована темпоральной последовательностью процессов личностной кристаллизации («седиментации») отдельных переживаний, то есть специфическим характером наложения одних пластов личного опыта на другие — *последовательностью седиментации субъективных значений*. Сходные переживания, наслаиваясь, а также причудливым образом взаимодействуя друг с другом, порождают различные структуры личного опыта за счет мобилизации различного смыслового содержания ближайшего «контекста» — в поток сознания, равно как и в пресловутую реку Гераклита нельзя войти дважды. Проще говоря, порядок «соприкосновения» (наслаивания) друг на друга отдельных переживаний в значительной мере определяет уникальную конфигурацию субъективных смыслов биографической ситуации. А это значит, что упомянутые выше неразлучные близнецы, прочитавшие одну и ту же книгу в разное время («один за другим»), уже благодаря тому простому обстоятельству попадают в различные биографически детерминированные ситуации, определяющие неодинаковое видение «одних и тех же» событий.

Из факта принципиального несовпадения человеческих биографических ситуаций следуют по меньшей мере два вывода. Первый состоит в том, что, строго говоря, никакие два человека (даже и упомянутые выше неразлучные близнецы) никогда не воспринимают ситуации, в которые попадают, абсолютно одинаковым образом. Неустранимое различие биографических ситуаций как оптик последующих субъективных интерпретаций полагает предел *абсолютному* взаимопониманию.

Означает ли это, что, имея «за плечами» различный личный опыт, мы обречены на извечное недопонимание? Отнюдь нет. В повседневной жизни человек чаще (и охотнее) полагается не столько на собственный анализ череды новых ситуаций, сколько на социально апробированные образцы (когнитивные паттерны) типизированных реакций своего культурного сообщества. Типизация — смысловая конфигурация, сложившаяся эмпирически в синтезе предшествующих опытов. Это срывание покровов новизны и «подверстывание» нового к ранее апробированным социальным стереотипам — обращение к «фоновому» («само собой разумеющемуся») знанию культурного сообщества. Подобная апелляция к «социально очевидному», незапрещенному позволяет решать большинство повседневных задач на пониженном уровне внимания, сберегая умственную энергию человека для подлинно творческих свершений.

Творчество же в собственном смысле имеет место там и тогда, где и когда ранее сложившиеся когнитивные паттерны обнаруживают пределы своей применимости, когда привычные, оправдавшие себя типизированные образцы и схематизмы социального мышления и действия обнаруживают неадекватность наличным ситуациям. Творчество, как я его понимаю, возникает «на границе», на изломах привычного, на отказе от самоочевидного, само собой разумеющегося, в глубинах эпистемологического разрыва. Искра творчества озаряет ранее невиданные грани бытия, созидая новые культурные смыслы человеческого мышления, действия и социальной организации. Но в повседневной жизни обращение к горизонту «нормального», типичного, социально не запрещенного помогает достичь в общении достаточного интерсубъективного понимания — «поверх барьеров» уникальных биографических ситуаций.

Самое существенное, однако, состоит в том, что специфически-личностная конфигурация субъективных смыслов (субъективная реальность) подвержена не только кумулятивному «приращению» новыми субъективными смыслами по мере накопления жизненного опыта. На протяжении жизни она претерпевает — отнюдь не всегда заметные — изменения по мере встраивания в непрерывно возрастающий корпус субъективного опыта. То, что ранее (в далеком детстве) казалось судьбоносным, сметающим все нажитые представления о жизни, с годами предстает лишь очередным извивом жизненного пути в неумном поиске самого себя. Напротив, некогда казавшееся «проходным» и обыденным со временем предстает как «точка бифуркации» траектории личной судьбы.

Но не только экстраординарные события в жизни человека «взрывают сознание». «Переоценка ценностей» идет исподволь, в повседневных процессах седиментации субъективных значе-

Н.М. Смирнова

Смысловые измерения субъективной реальности человека

Коммуникативная поддержка субъективной реальности

44

Первичная социальная группа (группа персональной идентификации), значимые другие играют решающую роль в коммуникативной поддержке субъективной реальности. Они практически важны для непрерывного воспроизводства персональной идентичности. Иными словами, Я воспринимаю себя самого как зеркальное отражение в сознании других — отраженную «самость», совокупность представлений о себе, приписываемых ближайшему социальному окружению. Убеждать человека в том, что вы уверены в его порядочности, а также и в том, что он не уронит себя в глазах окружающих, — значит угрожать его образу Я самым вежливым и деликатным образом. И подобные утонченные угрозы зачастую гораздо более действенны, чем прямое назидание.

Выработанный с годами образ собственной самости человека, меняясь, сохраняет и воспроизводит свое ядро — смысловой стержень — лишь в процессе постоянного обмена субъективными значениями с первичной группой своей социальной идентификации². Философски это означает, что субъективная реальность человека нуждается в постоянной коммуникативной поддержке — обмене субъективными значениями с ближайшим социальным окружением. Человек в ладах с самим собой, если и только если субъективные значения, которыми наделяют человека значимые другие, коррелируют с его собственной реальностью субъективных значений.

Но образ человека в различных зеркалах-сознаниях, в свою очередь, детерминирован различными биографическими ситуациями тех, кто его воспринимает. Однако, не будучи идентичны, они обладают общим ядром сходного содержания, столь же реальным, сколь и сами различия.

Определенное (не полное, но практически достаточное) соответствие субъективных значений индивида и интересубъективных значений первичной социальной группы убеждает человека в том, что он действительно тот, за кого себя принимает, а не впадает в иллюзии относительно собственной личности (Наполеон, «вице-король Индии», «сын лейтенанта Шмидта» и т.п.). Поэтому — повторю — значимые другие играют решающую роль в коммуникативной поддержке субъективной реальности.

Н.М. Смирнова

Смысловые
измерения
субъективной
реальности
человека

² Философски разработанные идеи рефлексивного самовосприятия восходят к концепции зеркального Эго Ч.Х. Кули (Cooley Ch.H.). Предтеча символического интеракционизма в теоретической социологии задолго до открытия «зеркальных нейронов» определял социально-идентифицирующую роль первичной социальной группы как «эффект зеркального Эго». «Представление о том, как мы выглядим в глазах других, прямо или косвенно властвует над любым нормальным сознанием» [4, с. 163], — убежден Кули. Идея «отраженной самости» (Self) — это представление о том, что Я и есть идея себя, приписываемая мною значимым другим.

ФИЛО- СОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

Они и только они, его группа персональной идентификации, способны утвердить человека во мнении, что он на самом деле тот, за кого себя принимает, — «короля играет свита».

Если же должное соответствие между субъективной и интерсубъективной системами значений нарушается, налицо конфликт между социально-ролевым предписанием и субъективно-реальной идентичностью. Последнее грозит болезненным расколом социальной самости человека. Для восстановления адекватного социального самочувствия необходимо модифицировать поддерживающие субъективную реальность социальные отношения (сменить круг ближайших друзей, соседей, коллег и т.п.). Невозможность достичь рефлексивного Эго-эффекта, то есть адекватного отражения собственного Я в значимых зеркалах-сознаниях, ведет к деградации, а в крайних случаях — и деструкции субъективной реальности человека.

Специфические констелляции субъективной реальности и социальной идентичности открывают человеку возможность «играть своей самостью», временно отождествляя себя с различными группами социальной идентификации («землю попашет, попишет стихи...»). Понятием игры как ключевой метафорой социальной деятельности не без изящества «играл» европейский постмодернизм на протяжении всего XX века. Для современного же социально-философского мышления возможность человека «вращаться» в различных пластах социального опыта означает необходимость дальнейшего изучения типологии социальной идентичности и образцов динамики социально-ролевой стратификации.

Элементарным процессом коммуникативной поддержки субъективной реальности является языковое общение. В повседневных беседах люди просто говорят друг с другом. Конверсационная логика (формально нестрогая логика естественного языка) поддерживается постоянным обменом субъективными значениями. Конечно, субъективное значение конституировано личным опытом и детерминировано биографической ситуацией собеседников. Но когнитивным основанием повседневных бесед является молчаливо принимаемое собеседниками общее представление о социальной реальности — общеразделяемый фонд *интерсубъективных* значений («фоновое знание»).

Коммуникативная поддержка субъективной реальности в повседневном речевом общении является неявной (имплицитной). В повседневных беседах нет необходимости оговаривать содержание общеразделяемого («фонового») знания. Но повседневные беседы ведут с позиций определенных представлений о мире, о себе и других, принимаемых говорящими как сами собой разумеющиеся. Ибо любое высказывание «встроено» в определенную картину социальной реальности, в рамках которой только и осмыс-

лено. Постоянный обмен подразумеваемыми (непроговариваемыми) значениями играет решающую роль в коммуникативной поддержке субъективной реальности всех вовлеченных в языковую коммуникацию. Самооценка, которую неявным образом поддерживает в человеке собеседник, исподволь убеждает его в том, что он действительно тот, за кого себя принимает. Так обычные повседневные беседы выполняют важную социальную роль, выступая средством легитимации субъективных и непрерывно возобновляемым процессом седиментации социально-групповых значений. «Живая» беседа обладает и мощной аурой невербальной коммуникации, однако речевое общение играет ключевую роль в процессах повседневного воспроизводства интересубъективных значений³.

Подводя итог сказанному выше, отмечу, что изучение смысловой структуры субъективной реальности человека, ее корреляций с подсистемами интересубъективных социально-групповых значений, а также лингво-коммуникативных аспектов человеческой деятельности как *процессов обмена значениями*, способствует философскому осознанию того, как мы понимаем друг друга, — выявлению социокультурного фундамента принципиальной возможности человеческого общения как конститутивного в отношении субъективной реальности человека.

Литература

1. Гуссерль Э. Идея феноменологии / пер. с нем. Н.А. Артеменко. Лекция вторая. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. С. 91–116.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. Собр. соч., т. III (1). М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 35–104.
3. Шюц А. Размышления о проблеме релевантности // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с англ. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 371–400.

³ Исследование «фонового знания» повседневных структур речевого взаимодействия становится главным предметом исследования особой отрасли постфеноменологического анализа — *этнометодологии*. Этнометодологическая программа родилась в трудах Г. Гарфинкеля (Harold Garfinkel) и развивалась в работах Г. Сакса (Harvey Sacks), А. Сикурела (Aron Cicourel), К. Мак-Эндрю (Crag Mac-Andrew), М. Поллнера (Melvin Pollner) и др. Представители этнометодологии особо подчеркивают тот факт, что речевое взаимодействие основано на общеразделяемом фонде непроговариваемого (*tacit*), неявного, подразумеваемого знания, принимаемого партнерами по речевой коммуникации как неоспоримая данность и невидимого, как подводная часть айсберга. Задача считается выполненной (по меньшей мере, отчасти), если удалось обнаружить и сформулировать дополнительную контекстуальную информацию, дающую возможность понимать высказывания для невовлеченного в ситуацию.

- ## Meaningful dimensions of the human subjective reality

E-mail: nsmirnova17@gmail.com

48

so-called “taken for granted” in order to reveal cognitive foundation which makes linguistic communications — as constitutive basis of human subjective reality — possible.

Keywords: human being, personal experience, subjective meaning, subjective reality, ethnomethodology.

For citation: Smirnova N.M. Meaningful dimensions of human subjective reality // *Chelovek*. 2019. Vol. 30, N 3. P. 38–49.

DOI 10.31857/S023620070005378-2

Н.М. Смирнова
Смысловые
измерения
субъективной
реальности
человека

References

1. Husserl E. *Ideya fenomenologii* [Idea of Phenomenology] (transl. from German). Moscow: Humanitarian Academy Publ., 2006. P. 91–116.
2. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical investigation] (transl. from German). Coll. papers. V. III (1). Intellectual book's Publishing house Publ., 2001. P. 35–104.
3. Schutz A. *Razmyshleniya o probleme relevantnosti* [Reflections on the problem of Relevance], transl. from English. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. P. 371–400.
4. Cooley Ch.H. *Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok* [Human nature and social order], transl. from English. 2nd ed. Moscow: Idea-Press Publ., 2001.
5. Smirnova N.M., Gorelov A.A., Morkina J.S. *Tvorchestvo, smysl, interpretatsiya* [Creativity, Meaning, Interpretation]. Moscow: IPH RAS Publ., 2016.
6. Beskova I.A. Obosnovanie nedual'nogo podkhoda k analizu insaitnogo postizheniya [Non-dual approach to the insight's phenomenon]. *Filosofiya tvorchestva. Liki tvorchestva v mnogoobrazii sotsiokul'turnykh praktik. Ezhegodnik*. N 4. [Philosophy of Creativity: Images of Creativity in the Variety of Sociocultural Practices]. Moscow, IInteLL Publ., 2018.
7. Garfinkel Harold. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood, NJ.: Prentice-Hall, 1967.